

заморского хлеба только-только хватало для армии и то в мирное время. Италия должна была сама себя кормить хлебом; население увеличивалось, потребности возрастали, ближайший рынок требовал больше и больше хлеба, и хозяину, естественно, приходилось требовать и от своего поля зерна больше, чем оно до сих пор давало.

Традиционно-обычным в исследованиях еще первой четверти нынешнего столетия, касающихся экономики древней Италии, является параграф, посвященный тому, как вследствие заморских войн Италия переходит от хлебопашества к садовым культурам и виноградарству. Первая половина II в. до н. э. была временем, на которое падает ряд войн: вторая Македонская война, войны с этолийцами, с Антионом Великим и с Персеем. Внимательное чтение Катона убеждает, что судьба разных хозяйственных отраслей в эти военные и послевоенные годы была весьма различна. Хлебопашество пошло вперед, а не ушло; виноградарство, достигшее уже к этому времени высокой ступени развития, продолжает развиваться потихоньку, без ущерба для хлебного поля; для масличного хозяйства наступает пора процветания, вызванная, однако, вовсе не заморскими войнами, а покорением долины По.

Н. Н. Белова

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ГАЛЛИИ в I—II вв.

В буржуазной историографии прочно утвердилось мнение, что Галлия в целом, включая богатых и бедных, аристократию и демократические массы, эксплуататоров и эксплуатируемых, благоденствовала под эгидой Рима. Особенно ярко проводится эта мысль у Фюстель-де-Куланжа и у его последователей, одним из которых является Камилл Жулльен. По мнению Жулльена, в связи с более интенсивным развитием ремесла и торговли в римскую эпоху увеличивались постоянно не только роскошь богатых, но и благоденствие бедных. «В римскую эпоху,— пишет он,— роскошь богатого галла даже для самого бедного не казалась чем-то исключительным: не было пропасти между теми и другими»¹. Римское господство, по его мнению, внесло в социальные отношения галльского общества принцип равенства, который особенно наглядно проявлялся якобы в организации общественных увеселений и постройке общественных зданий — театров, амфитеатров, терм и т. п., где объединялись для общих удовольствий и бедные и богатые (там же, стр. 372). Подобных же взглядов на социальные отношения в римской Галлии придерживаются и многие другие буржуазные историки, в частности Гренье, который постоянно подчеркивает, что в римскую эпоху благоденствие сельского населения значительно увеличилось². По мнению Шапо, в эпоху римского господства наблюдалось столь очевидное всеобщее благоденствие в Галлии, что «не было никакого непреодолимого расстояния между классами, разделенными имуществом»³.

Реакционная классовая сущность этих взглядов буржуазных историков вполне ясна. Будучи свидетелями жестоких классовых противоречий эпохи империализма, эти буржуазные ученые пропагандируют классовый мир и прославляют «крепкий государственный аппарат», способный якобы установить классовое равновесие. Они стремятся доказать, что все явления, присущие современному капиталистическому обществу, были характерны и для древнего римского общества, где не было якобы серьезных социальных потрясений и революционных переворотов. Отсюда модернизация и фальсификация исторических фактов, затушевывание различия в социальных явлениях античного и современного капиталистического общества⁴. Отсюда и оценка волнений широких народных масс

¹ С. Jullian, Histoire de la Gaule, т. V, P., 1925, стр. 368.

² A. Grenier, Archéologie gallo-romaine, т. II, P., 1931, стр. 540.

³ V. Chapot, Le monde Romain, P., 1927, стр. 366; ср. H. Dessau, Geschichte der römischen Kaiserzeit, B., 1924, т. II, 2, стр. 310—312.

⁴ Ср. H. Dessau, ук. соч., т. II, стр. 310—312; С. Jullian, ук. соч., т. V, стр. 372.

галльских городов и деревень как «разбойничьих бунтов», нарушающих общую картину «римского мира». Не классовые противоречия между угнетенными и угнетателями, между бедными и богатыми, рабами и свободными лежат, по их мнению, в основе этих движений, а личные эгоистические мотивы.

На самом деле, разумеется, ни о какой «благодетельности» римского господства для широких народных масс Галлии не может быть и речи. Напротив, широкое и быстрое развитие ремесла и торговли, наблюдавшееся в Галлии после установления там римского господства, резко увеличило противоречия между богатыми и бедными, между аристократией и широкими народными массами. Увеличение количества рабов еще более усугубляло остроту классовых противоречий. Установление же почти во всей Галлии в течение I—II вв. муниципального римского строя привело в конце концов к тому, что широкие массы постепенно утратили какие бы то ни было политические права. Народные собрания, которые играли еще столь активную роль в общественной жизни независимых галльских племен, в римское время постепенно теряли одну функцию за другой, пока, наконец, во II в. не исчезли совершенно. Усиление эксплуатации провинций в эпоху империи происходило главным образом и прежде всего за счет усиления эксплуатации трудящихся слоев населения. Наконец, установление римского господства не могло не обострить в громадной степени классовых противоречий уже хотя бы потому, что империя не только не устранила той жестокой эксплуатации провинций, которая практиковалась в эпоху республики, а, напротив, превратила ее в систему. Все жители покоренной Галлии, как и других римских провинций, должны были платить в пользу Рима прямые налоги — поземельный (*tributum soli*) и подушный (*tributum capitis*)¹, а также массу косвенных: провинциально-таможенную пошлину, так называемую *quadragesima Galliarum*; она взималась в размере 2,5% со всех товаров, которые ввозились и вывозились из Галлии²; пятипроцентный налог с наследства (*vicesima hereditarium*, Dio, LV, 25), налоги с продажи (с аукциона)³, с отпуска рабов на волю⁴, с продажи рабов⁵, налоги за патенты на определенные профессии⁶ и друг. К перечисленным налогам следует присоединить целый ряд натуральных сборов и повинностей⁷. Не довольствуясь введением тяжелых налогов, римляне практиковали и прямое расхищение общественных богатств галльских племен. Из Страбона, например, известно о расхищении римлянами галльских сокровищ в Толозе: «В Толозе,—говорит Страбон,—сокровища доходили до пятнадцати тысяч талантов. Они сохранялись частью в храмах, частью — в священных озе-

¹ Например, Dig., L, 15, 8, 7; 15, 3; Dio, LXII, 3, 3.

² Quintil., *Declamat.*, 359: *praetor instrumenta itineris, omnes res quadragesimum publicano debeant...* На товарах, за которые уплачивался этот налог, накладывалась свинцовая пломба. Большое количество таких пломб найдено в Лугдуне (Dissard, *Collection Bécamiér, Catalogue des plombs antiques*, P., 1905, № № 64—68, 731, 732.

³ Tac., *Ann.*, I, 78: *centesimam rerum venalium post bella civilia institutam*; *CIL*, XII, 1082: *soci caentesimae venalium*.

⁴ *CIL*, XII, 2396; XIII, 1130; *vicesima libertatis*.

⁵ Tac., *Ann.*, XIII, 31; *vectigal quintae et vicesimae venalium mancipiorum*.

⁶ Suet., *Calig.*, 40—41; Dio, LIX, 28, 8.

⁷ Тяжелые повинности, например, выполнялись галльским населением по отношению к императорской почте (*cursus publicus*). В надписях встречаемся с упоминанием специального префекта, ведавшего доставкой почтовых лошадей в Аквитании и Лугдунской Галлии (*praefectus vehiculorum*, Orelli, 3178). О том, что эта повинность была очень тяжелой для населения, говорит тот факт, что Антонин Пий был вынужден облегчить ее (SHA, Pius, 12: *vehicularium cursum summa diligentia sublevavit*), а Септимий Север даже перевел расходы по содержанию почты на счет императорской казны (SHA, Sever., 13).

рах. Это было неотделанное золото и серебро. Завоевавши страну, римляне продавали эти озеры от имени государства, и многие купцы находили скованные молотом массы серебра» (IV, I, 13). Если обратиться к описанию галльских восстаний в I в. н. э. против Рима у Тацита, то легко можно будет заметить, что главным побудительным мотивом почти каждого из них была именно тяжесть налогов, взимаемых римским правительством. Так, например, главной причиной восстания, вспыхнувшего в Галлии в 21 г., после отъезда Германика, была огромная задолженность некоторых галльских племен (Тас., *Ann.*, III, 40), а также то, что некоторые галльские племена, ранее освобожденные от уплаты налогов, были теперь лишены этого права¹. Из описания восстания 21 г. у Тацита известно также, что Сакровир и Флор, подбивая простой народ к восстанию против Рима, напирала в своей агитации на постоянный рост налогов (*Ann.*, III, 40). Вследствие этого им удалось очень скоро собрать вокруг себя широкие массы. Следовательно, именно простой народ был главным объектом обложения налогами, именно на его плечи ложилась основная их тяжесть. Вопросы о налогах явились одним из лейтмотивов и в восстании Виндекса в 68—69 гг. Не случайно Гальба, помимо дарования прав римского гражданства всем галльским общинам, которые приняли участие в восстании Виндекса против Нерона, сбавил подати на одну четвертую часть, заслужив тем самым преданность галлов (Тас., *Hist.*, I, 8). Точно так же и Цивилис, стараясь привлечь галлов к восстанию против Рима, «в тайной беседе напоминал им о бедствиях, которые, столько лет претерпевая в тяжелом рабстве, они ложно называли миром. Батавы, говорил он, хоть и не платят податей, взяли за оружие...» (Тас., *Hist.*, IV, 17). Также из речи Клавдия в римском сенате по поводу принятия в его состав знатных эдуев известно, как тяжело реагировали галлы на перепись, производившуюся время от времени римскими властями для установления размеров доходов с галльской провинции и для обложения населения соответствующими налогами (CIL, XIII, 1668)². Тяжесть налогового бремени вынуждала галльские города занимать деньги для уплаты налогов под ростовщические проценты (Тас., *Ann.*, III, 40) у италийских и римских ростовщиков. Не случайно Флор предлагал начать восстание с убийства римских купцов (Тас., *Ann.*, III, 42). Развитию ростовщичества в Галлии способствовала податная реформа Августа, установившая во всех провинциях двойной налог — поземельный и подушный, который собирался частью натурой, а частью деньгами; эта реформа содействовала поэтому разложению натурального и росту денежного хозяйства: обложенные налогом провинциалы вынуждены были превращать продукт своего хозяйства в деньги. При недостатке денег они обращались к займам под высокие проценты у ростовщиков, богатых римских чиновников и т. д. Итак, римляне «...сперва отнимали у покоренных их сокровища, а затем отдавали их им же взаймы за ростовщические проценты, чтобы дать им возможность выплачивать новые поборы»³.

Тяжесть налогов для широких масс усугублялась самой системой налогообложения или способом их взимания. Взимание налогов и распределение их внутри общин, как известно, римское правительство, желая привлечь аристократию галльских городов к обеспечению своих фискальных интересов, возложило на муниципальные советы и местных магистратов

¹ Тас., *Ann.*, III, 40; *Suet.*, *Tiber.*, 49.

² Такая перепись производилась при Августе трижды — в 27 и 12 гг. до н. э. и в 14—16 гг. н. э. (Livy, *Epit.*, 134), а также при Тиберии (Тас., *Ann.*, I, 34; II, 6) при Клавдии, при Нероне в 61 г., при Домитиане (Froel., *Strat.*, I, 8) и т. д.

³ Ф. Энгельс, *К истории раннего христианства*, К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XVI, ч. II, стр. 423.

тов. Эта система сбора налогов имела своим естественным следствием тот факт, что галльская аристократия полностью переключивала тяжесть налогообложения на плечи трудящихся масс. Тяжесть косвенных налогов увеличивалась тем, что они взимались не прямо государством, а сдавались и в эпоху империи на откуп обществу публиканов. Надписи обнаруживают существование в Галлии откупщиков налогов на наследство (CIL, XII, 1916), за освобождение рабов (CIL, XII, 3396) и таможенных пошлин (CIL, XII, 717). Если учесть при этом, что каждое из таких обществ откупщиков действовало при помощи многочисленного персонала агентов, а также злоупотребления некоторых наместников¹, то будет понятна степень обременительности римской налоговой системы для широких масс населения. Не менее обременительной, чем налоги, была для галлов военная повинность, рекрутские наборы и поставки лошадей в римскую конницу. У Тацита², Страбона (IV, 42) и Аппиана (BC, II, 9) встречаем целый ряд указаний на производившиеся в Галлии рекрутские наборы для комплектования вспомогательных римских войск и кавалерий. Страбон (IV, 43) прямо говорит, что именно из среды галлов «римляне добывают лучшую свою конницу». Рассказывая о восстании 21 г. в Галлии, Тацит между прочим, указывает как на одну из причин последнего на то, что «галлы уже устали давать лошадей» (Ann., II, 5). Относительно восстания Цивилиса Тацит также сообщает, что последний, стремясь привлечь к себе галлов для борьбы с римлянами, возбуждал в них надежду на уничтожение в случае победы воинской повинности, подчеркивая при этом, что именно за счет галлов сильна римская армия. «Что же было бы,— говорил Цивилис,— если бы Галлия сбросила с себя иго? Сколько солдат оставалось бы в Италии? Провинции побеждаются кровью провинций» (Hist., IV, 17).

Таким образом, концепция буржуазных историков о всеобщем благоденствии, установившемся в Галлии в результате римского господства, является ложной и противоречит конкретным историческим фактам. В источниках достаточно ясно обрисована тяжесть римского владычества для широких народных масс Галлии. Следствием этого были неоднократные восстания галлов против Рима.

Еще до установления принципата Августа, в Галлии, вскоре после ее завоевания Юлием Цезарем, неоднократно вспыхивали восстания. Дион Кассий и Светоний упоминают о восстаниях 38 г. до н. э., происходивших в Бельгике и Аквитании. Спустя немного лет после подавления этих движений новые волнения вспыхнули здесь в 29 и 27 гг. Последнее из этих движений (27 г.) было вызвано поголовной описью имущественного состояния. В результате римскому правительству пришлось повторно завоевывать эти части Галлии.

Первое крупное восстание в I в. н. э. произошло в Галлии в 21 г. Оно известно в истории под именем восстания Флора и Сакровира. Подробное описание его имеется в «Анналах» Тацита. Для социального состава участников этого восстания чрезвычайно характерен следующий факт. Когда Флор агитировал за войну против римлян в отряде конницы, состоявшем из галльских воинов, то немногие из последних, по свидетельству Та-

¹ Так, например, Лициний, императорский прокуратор в Галлии, не довольствуясь 12-месячным сбором налогов в год, изобрел свой собственный фискальный календарь, который состоял из 14 месяцев. Свою выдумку он мотивировал тем, что декабрь якобы являлся по существу десятым месяцем. Привлеченный Августом к ответственности, он должен был часть суммы, добытой такой беспощадной эксплуатацией провинциалов, выдать. Однако и после этого он оставался столь богат, что о нем сложилась поговорка: богат как Лициний (Dion., I, IV, 21, 3; 21, 5).

² Hist., II, 14, 68, 69; IV, 17, 18, 26 и др.; Ann., XVI, 13.

цита, ответили ему и перешли на его сторону. Зато народ, обремененный долгами и его собственные клиенты тотчас же взяли за оружие (Ann., III, 42).

Чрезвычайно характерно для социального движения 21 г. также и то, что из 40 тысяч человек восставших, которые собрались вокруг Сакровира, только пятая часть была вооружена, как солдаты легионов, остальные были вооружены охотничьими копьями, ножами и другим подобным оружием (Ann., III, 43). Этот факт говорит за то, что основную часть восставших составляли именно широкие массы галльского общества. Из последующего же описания восстания у Тацита узнаем, что под широкими слоями, принявшими участие в восстании 21 г., следует понимать не только жителей сельских местностей, но и жителей городов. Характеризуя боевые способности отрядов Сакровира, Тацит прямо называет их «горожанам» (oppidani, Ann., III, 46). При этом низшие слои городского населения, повидимому, составляли не малую часть общего числа восставших. Рассказывая о решительном столкновении отрядов Сакровира с римскими легионами, возглавляемыми Сицием, Тацит называет первых горожанам в их совокупности, не выделяя особо другие категории восставших. Очевидно, горожан в данном случае было большинство.

Но ничто так не характеризует социальной сущности и размаха движения 21 г., как то, что в нем приняли участие эксплуатируемые и угнетенные не только свободной части галльского населения, но также и рабы-гладиаторы (Тас., Ann., III, 46), одетые в железо и потому оказавшиеся менее уязвимыми в сражениях. Они оказались как раз наиболее упорными в восстании и составляли фронт боевой линии восставших (Ann., III, 45). По свидетельству Тацита, восстание вскоре охватило всю Галлию и в конце концов не оказалось «почти ни одной общины, в которую не запали бы семена этого движения» (Тас., Ann., III, 4). Повсюду убивали римских купцов (III, 42), в большом количестве проживавших в Галлии. Особенно грозный характер носило восстание в области эдуев, где действовал Сакровир, занявший столицу племени — Августодун.

Насколько серьезную опасность представляло восстание 21 г. для самого Рима, видно из рассказа Тацита о том, как реагировали в Риме на эти события. «В Риме между тем прошел слух,— говорит Тацит,— что отпали не только треверы и эдуи, но 64 галльские общины¹, и что они вступили в союз с германцами» (Ann., III, 41).

Что касается целей восставших широких масс, то в этом отношении для восстания 21 г. характерно, что, начавшись против римлян и римского господства и приняв с самого начала характер социального движения широких масс, оно вскоре оказалось обращенным не только против римской администрации, купцов и прочих римлян, но и против местной галльской администрации. Не случайно поэтому, что галльская аристократия приняла участие в подавлении восстания 21 г. не менее активное участие, чем сами римляне, против которых она было вначале ополчилась. В решительный момент движения восставшие увидели вождя восстания Сакровира, сражавшегося в рядах римлян (Тас., Ann., III, 41). Именно страхом перед движением широких масс следует объяснить и тот факт, что в восстании Флора и Сакровира приняла участие далеко не вся галльская знать. Когда Сакровир занял столицу эдуев, он захватил обучающуюся здесь знатную молодежь безусловно с целью заручиться по крайней мере нейтралитетом местной знати. Отсюда, совершенно очевидно, что далеко не все представители последней подняли оружие против римлян. Наконец, некоторые представители галльской аристократии выступили с самого начала на стороне римлян, приняв активное участие в подавлении восстания, под-

¹ Т. е. вся Галлия: Страбон (IV, 3, 2) насчитывает в Галлии только 60 общин.

нятого их соотечественниками, Флором и Сакровиром. Одним из таких был Юлий Инд. «Посланный вперед с отборным отрядом,— говорит Тацит, — Юлий Инд, происходивший из одной общины с Флором, но бывший во вражде с ним и потому еще больше жаждавший выполнить свою задачу, рассеял это войско, бывшее еще нестройной толпой» (Ann., III, 42).

Следующим крупным антиримским движением, в котором приняли участие широкие массы галлов, было восстание Виндекса, вспыхнувшее в 68 г., в конце правления Нерона. О восстании Виндекса, целях движения и стремлениях самого Виндекса, в историографии нет единого мнения. Споры ведутся главным образом по вопросу, было ли восстание Виндекса направлено только против деспотического правления Нерона или оно было направлено против римского господства вообще за независимость Галлии. Но в данном случае нас интересует другая сторона движения 68 г. — вопрос об участии в нем широких масс и об изменении первоначального характера этого движения в процессе его развития. Вопрос о социальном характере и значении движения Виндекса не интересовал ни западных, ни русских буржуазных ученых, мало занимавшихся социальными проблемами вообще. Впервые этот вопрос был поставлен только советскими историками. Наиболее подробно на анализе социального характера движения Виндекса (как и на других провинциальных движениях I в. н. э.) останавливается советский исследователь А. Г. Бокщанин в своей диссертации «Социальный кризис середины I в. н. э. и иудейская война». Автором подчеркивается широкий размах движения 68 г. и социальный его характер. В данной связи особенно важно отметить, что, под каким бы официальным предлогом это движение ни возникло, какие бы цели Виндекс и галльская аристократия, его поддерживавшая, ни ставили, оно очень скоро приняло форму широкого социального движения.

Данные об участии в восстании Виндекса широких народных масс имеются у Тацита (Hist., II, 65) и Плутарха (Galba, 5, 13). Из описания Тацитом событий гражданских войн 68—69 гг. явствует, что в восстание Виндекса были втянуты многие галльские города, среди которых особенную активность проявили Вьенна и ее противник Лугдун (Tac., Hist., I, 65).

Основной причиной участия широких масс в восстании Виндекса, как и в восстании 21 г., был налоговый гнет, возросший при Нероне до невероятных размеров. По свидетельству Диона Кассия, еще до римского пожара в 64 г. были введены чрезвычайные налоги, вследствие которых многие лишались жизни и имущества (XI, 5). После же пожара была организована, как известно, целая система выколачивания средств из провинций для отстройки Рима. По провинциям были разосланы правительственные агенты, собиравшие усиленные налоги и увозившие в Рим предметы искусства и конфискованные ценности частных лиц (Tac., Ann., XV, 45; XVI, 23). Некоторые города вынуждены были делать «добровольные подarki» правительству. По свидетельству Тацита и Диона Кассия, один только Лугдун предоставил римскому правительству на восстановление Рима сумму в 4 млн. сестерциев (Tac., Ann., XVI, 13; Dio, XII, 18).

Поскольку самый сбор налогов и ответственность за него падали на высшие слои галльского общества в лице декуррионов и местных магистратов и поскольку непосредственное давление на широкие массы исходило именно от них, естественно, движение широких масс было направлено как против римских, так и против местных угнетателей.

Одним из убедительнейших доказательств того, что восстание Виндекса действительно всколыхнуло широчайшие слои галлов, является восстание бойев, вспыхнувшее непосредственно после подавления восстания Виндекса. По свидетельству Тацита (II, 61), движение возглавил некто Марик, объявивший себя освободителем Галлии и богом. «Собрав восемь

тысяч человек,— говорит Тацит — (Марик) стал грабить ближайшие округа эдуев, но их весьма почтенная община с отборной молодежью, к которой было присоединено несколько когорт, разогнала толпу фанатиков. Марик был взят в плен в этом сражении и вскоре был брошен зверям, но так как звери его не разрывали, то глупая чернь стала считать его неприкосновенным» (Hist., II, 61). Из приведенного краткого описания восстания Марика у Тацита видно, что восстание носило сугубо социальный характер. Хотя вождь восставших Марик и объявил себя, по словам Тацита, освободителем Галлии и богом, сделав «вызов римскому оружию» (там же), однако, оружие восставших было направлено прежде всего против местных землевладельцев. В самом деле, Тацит говорит, что Марик, набрав восемь тысяч человек, тотчас же начал грабить ближайшие округа эдуев. Поскольку сам вождь восставших боев происходил из гуци народа (а plebe Voioium, там же), можно предположить, что отряд Марика грабил имения местных магнатов из эдуев. Очевидно, поэтому в подавлении восстания, наряду с римскими когортами Вителлия, приняли участие сами эдуи и прежде всего «отборная местная молодежь».

Восстание рейнских легионов против Гальбы, имевшее место также вскоре после подавления восстания Виндекса, и так называемое восстание Классика и Тутора, галльских вождей из племени треверов, которые примкнули к Цивилису в ходе борьбы вителлианцев против Гальбы и затем Отона и возглавили борьбу за создание независимого Галльского государства, также тесно связано с социальными движениями в Галлии. В буржуазной историографии эти восстания обычно называются военными бунтами¹, и совершенно игнорируется вопрос о взаимодействии восставших рейнских легионов с движением широких масс населения северо-восточной Галлии. Между тем, данные источников, главным из которых являются «Истории» Тацита, говорят о том, что восстание рейнских легионов протекало в тесном взаимодействии с широкими массами галлов и было направлено, таким образом, не только и не столько против Гальбы, сколько против имущих классов в Галлии и Италии, на территории которых эти движения развертывались. Это доказывается и тем, что весть о смерти Гальбы, против которого официально движение было направлено, не оставила солдат от их разрушительных действий, и тем, что эти разрушительные действия были направлены прежде всего против богатых рабовладельческих поместий. Тацит и Светоний, описывая так называемые «бесчинства» солдат Вителлия в Галлии и Италии, подчеркивают одни и те же явления, характерные для социального состава и истинных целей восставших. Так, из Светония (Vitell., 40) узнаем, что солдаты Вителлия, «не довольствуясь тем, что всюду их кормили на общественный счет, позволяли себе отпускать на волю чужих рабов, а сопротивлявшихся им в этом наделяли ударами и пинками, часто даже ранили их, а иногда и убивали». Тацит говорит о том, что «солдаты (Вителлия.— Н. Б.) выбирали себе в добычу плодоносные нивы и богатых владельцев» (Hist., I, 56). Вследствие этого движение приняло столь грозный характер, что полководцы, коль скоро они не являлись вождями развертывающегося движения, были настолько бессильны приостановить подобные «бесчинства», что сами оказывались, по словам Тацита, в полной зависимости от солдат и ничего не смели им запретить (там же).

Чтобы понять эти настроения «вителлианцев», следует учесть следующие два момента. Во-первых, при Вителлии, как известно, рейнская армия была пополнена большим количеством местного галльского населения и,

¹ Ф ю с т е л ь д е К у л а н ж, История общественного строя древней Франции, русс. перевод, т. I, стр. 99; Т. М о м м з е н, Римская история, русс. перевод, 1949. т. V, стр. 122.

следовательно, в известной мере она отражала настроения широких масс, за счет которых в основном и производились рекрутские наборы. Во-вторых, еще до начала восстания в силу ряда обстоятельств рейнские легионы оказались в тесном взаимодействии с северо-восточными галльскими племенами, треверами, лингонами и некоторыми другими. Дело в том, что эти племена, граничившие с лагерями рейнских легионов, как не принимавшие участия в восстании Виндекса и, таким образом, не содействовавшие приходу к власти Гальбы, были последним жестоко наказаны. Гальба отнял у них часть земель и доходов и наградил, наоборот, за их счет племена южной и центральной Галлии, принимавшие участие в восстании Виндекса (Tac., Hist., I, 8). Это послужило одной из причин недовольства прирейнских племен Галлии политикой Гальбы, и последние сделались, по словам Тацита, самыми ожесточенными подстрекателями против гальбианцев (Hist., I, 51). С другой стороны, у рейнских легионов были свои причины недовольства Гальбой, главными из которых были страх наказания за подавление ими восстания Виндекса (Tac., Hist., I, 8) и ненависть к Гальбе за то, что он по приходе к власти не дал солдатам подарков (Plut., Galba, 31). Эти обстоятельства, а также то, что большая часть рейнских легионеров, не говоря уже о вспомогательных войсках, состояла из галлов, обеспечили успех агитации галлов среди солдат рейнской армии и широкий размах восстания последней.

Источники не позволяют точно указать, представители каких социальных слоев северо-восточных галльских племен выступили перед рейнской армией с агитацией за восстание против Гальбы. Однако можно предположить, что это были отнюдь не люди из широких слоев населения, а скорее представители имущих классов. Об этом свидетельствуют указания Тацита на то, что треверы, лингоны и другие обиженные Гальбой племена подкрепляли свою агитацию действительными мерами, предлагая легионерам «помощь людьми, лошадьми, оружием и деньгами» (Hist., I, 57). Таковую помощь могли оказать, конечно, только имущие галлы. Подобное положение подтверждается и дальнейшим развитием событий, в частности восстанием Классика и Тутора.

Треверы, Классик и Тутор, а также лингон Юлий Сабин, представители галльской знати, будучи военачальниками отдельных частей рейнской армии, после смерти Вителлия перешли на сторону Цивилиса и развернули активную агитацию среди легионеров и галльского населения (Tac., Hist., IV, 55, 56) за борьбу против Рима и образование независимого Галльского государства (там же, 55, 58). Очевидно, агитация лингонов и треверов среди рейнских частей за восстание против Гальбы и агитация Классика и Тутора за присоединение к Цивилису для борьбы с римскими войсками были различными этапами в осуществлении одной и той же попытки галльской знати прирейнских районов воспользоваться удобной для них ситуацией для образования независимой Галлии.

Но в данном случае не столь важен вопрос, кто был подстрекателем восстания, сколько вопрос о том, какой характер получило движение в конечном счете. В этом отношении, помимо вышеприведенных примеров, чрезвычайно характерен тот факт, что солдаты рейнской армии, возбужденные агитацией треверов, лингонов и других прирейнских галльских племен против племен южной и центральной Галлии, получивших привилегии от Гальбы, проходя через земли последних, подвергали разрушению главным образом поля и дома богатых галлов. Тацит, говоря о ненависти восставших к секванам, эдуям и т. п., подчеркивает, что они ненавидели последних, «коль скоро те были богаты» (Hist., I, 51). Этот пример безусловно свидетельствует о социальной направленности восстания рейнских легионов, находившихся в тесном взаимодействии с северо-восточными галль-

скими племенами и отражавшими, таким образом, в большинстве своем интересы широких масс галлов.

Характер широкого социального движения приняло и восстание Классика и Тутора. Об этом говорит и характеристика, даваемая Тацитом отряду, возглавляемому одним из вождей восстания Сабинном, как большой, нестройной толпы народа (*Hist.*, IV, 67: *magnamque et inconditam popularium turbam*), и тот факт, что разгром римских легионов восставшими вызвал необычайное сочувствие среди сельского населения Галлии. «Когда разнеслась молва о взятии в плен легионов,— говорит Тацит,— то все те, которые немногим раньше трепетали при римском имени, прибежав с полей и из домов и рассыпавшись со всех сторон, как нельзя более наслаждались несбыточным для них зрелищем» (*Hist.*, IV, 62). Наконец, повествуя о подавлении восстания Тутора и Классика, Тацит говорит, что «народ, побросав оружие, рассыпался по деревням» (*Hist.*, IV, 70). Это замечание свидетельствует, таким образом, об участии в восстании Классика и Тутора широких масс сельского населения. Как и все предшествующие социальные движения, это движение было направлено одновременно как против римских, так и против местных эксплуататоров. О глубокой ненависти восставших к римлянам говорит между прочим эпизод осады восставшими римской колонии Агриппины (современный Кёльн), возведенной в правление Клавдия в земле убиев. Восставшие требовали от агриппинцев срыть стены колонии и истребления всех римлян, проживавших в этой колонии (*Gas.*, *Hist.*, IV, 65). Только заступничество самого Цивилиса спасло город от разрушения.

Социальные движения в Галлии не прекращались, вопреки утверждениям буржуазных историков¹, и в последующее (после гражданских войн I в.) время. Особенно крупное движение народных масс вспыхнуло в Галлии в правление Коммода в 186 г. Оно было предвестником знаменитых по своей продолжительности и размаху движений, известных в истории под именем движений багаудов.

Помимо обычного налогового гнета и жестокой эксплуатации — факторов, постоянно действовавших в римской Галлии и постоянно вызывавших недовольство и возмущение со стороны широких масс, с конца II в. сельский и городской плебс Галлии испытывал жестокие последствия имперских войн и чумы, вызвавших тяжелый аграрный кризис по всей стране. Войны — сначала парфянская (161—165), а затем маркоманская (167—180) — стоили Империи огромных жертв и сильно сократили количество рабочих рук в поместьях галло-римских магнатов. Императору Марку Аврелию (161—180) пришлось призвать на военную службу поголовно всех граждан — италиков и провинциалов, а для пополнения убыли в армии он должен был вооружить гладиаторов, рабов, вольноотпущенников и даже разбойников (*SHA*, *Marc.*, 21). Чума, занесенная с Востока и охватившая все провинции, страшно опустошила и Галлию. Евтропий, описывая печальные последствия чумы, говорит: «Виллы, поля, города были заброшены, обезлюдели и превратились в руины и леса» (VII, 15). Естественно, при таких обстоятельствах должна была усиливаться эксплуатация уцелевшего сельского и городского населения со стороны галльских магнатов, остро ощущавших недостаток рабочих рук. Помимо всего, эпидемия чумы способствовала тому, что измученные и голодные рабы и колонны массами снимались с мест и пополняли собой ряды бродяг. Наконец, к

¹ Моммзен, например («Римская история», т. V, стр. 132), утверждает, что со времени восстания рейнских легионов и восстания Цивилиса в Галлии и Германии царило спокойствие и неизменно сохранялось *status quo*. «Подвластные Риму германцы, говорит он,— подобно римским галлам, полностью растворились в империи. Нам ничего более не известно о каких-либо попытках восстания с их стороны».

этому же времени и по тем же причинам началось разложение римской армии, изнуренной продолжительными и тяжелыми войнами. Бегство воинов, повидимому, приняло огромные размеры. По свидетельству источников, Галлия в это время буквально кишела дезертирами (SHA, Comm., 16,2).

Восстание 186 г., известное в античной и современной буржуазной историографии под именем восстания «дезертиров, злодеев и разбойников», возглавлял действительно один из таких воинов-дезертиров, по имени Матерн. Он был осужден к смертной казни, бежал, составил из воинов-дезертиров отряд и начал погром поместий и городов. Начатое воинами-дезертирами, это восстание скоро превратилось в широкое социальное движение, вовлекая в себя не только жителей сел, но и городов. Наш единственный источник Геродиан так описывает это восстание и его вождя Матерна. «Некий Матерн, некогда воин, который отличился не раз отвагой, дезертировал и увлек с собой многих из своих сослуживцев. Он собрал также в короткое время большой отряд злодеев. Вначале он нападал на деревни и села и грабил их. Затем, когда у него скопилось много денег, он собрал еще более многочисленный отряд злодеев... стал нагадать на самые крупные города, разрушая тюрьмы и освобождая от цепей тех из содержащихся в них, которые были осуждены за преступления, подобные его преступлению, обещая им безнаказанность и призывая их к себе своими благодеяниями. Он прошел, таким образом, по всей Галлии и Испании, нападая на самые крупные города, сжигая одну часть, грабя другую, а затем исчезая» (Herod., I, 10). Из описания восстания Матерна Геродианом видно, таким образом, что последнее приняло очень широкие размеры и охватило не только сельские округа галльских общин, но и города. Более того, восстание не ограничивалось только Галлией, но перекинулось и в Испанию. Потребовалась в конце концов целая армия для его подавления: император Коммод послал в Галлию в помощь наместникам несколько легионов во главе с Песцением Нигером (SHA, Niger., 75). Кроме того, он назначил главнокомандующим войск, действовавших против восставших, легата Лугдунской провинции Септимия Севера, предоставив ему в пределах поставленных задач чрезвычайные полномочия (SHA, Sever., 65; Niger., 75). Как и все предыдущие рассмотренные нами социальные движения в Галлии, восстание Матерна было направлено одновременно и против римских поработителей и против местной галло-римской рабовладельческой аристократии. Об этом красноречиво говорят и действия повстанцев, и та неприязнь к восставшим, которую выказывает античный автор, описывая разрушительные действия повстанцев. Восставшие широкие массы в глазах последнего не что иное, как толпы злодеев, банды разбойников и преступников (*πληθος κακοῦργων*).

Что касается того, что восстание Матерна было направлено и против римлян, господство которых в Галлии живее всего чувствовалось именно низшими слоями галльского рабовладельческого общества, то об этом свидетельствует легенда, записанная Геродианом, о том, что вождь восстания Матерн имел своей конечной целью проникнуть в самый Рим и убить там императора Коммода (Herod., I, 16). Но Матерн был предан одним из повстанцев и казнен.

Таким образом, восстание Матерна было широким и мощным движением угнетенных масс. Возникнув в конце II в. и будучи подавленным, это движение под именем восстания багаудов достигло еще большей сокрушительной силы в III в. и не прекращалось в сущности вплоть до самого падения Римской империи.

Все выше рассмотренные восстания, даже восстания, поднятые галльской аристократией и направленные первоначально непосредственно про-

тив римлян, в процессе развития неминуемо получали социальную окраску и оказывались направленными не только против римских, но и против местных рабовладельцев-эксплуататоров. Так было с восстанием Флора и Сакровира в 21 г., так случилось и с восстанием Виндекса в 68 г. Во всех социальных движениях I—II вв. активное участие, наряду с широкими слоями сельского населения, принимали низшие слои городского населения, как рабы, так и свободные граждане, что свидетельствует о глубоких классовых противоречиях и жестокой классовой борьбе, постоянно происходившей внутри галльских городов. Мы видим горожан, принимавших участие в восстании Флора и Сакровира, участие городов в восстании Виндекса, участие низших слоев городского населения в восстании Матерна в правление Коммода и т. п. Социальные движения, происходившие в Галлии в течение I—II вв. и продолжавшиеся с еще большим ожесточением в III и последующих веках, должны были оказывать губительное влияние на прочность римского владычества в Галлии. О том, что восстания народных масс Галлии действительно угрожали римскому господству в этой провинции, говорят, между прочим, надписи, свидетельствующие о присутствии в Галлии, начиная с конца II в., римских солдат *beneficiarii*, которые стояли вдоль дорог и на подступах к городам и занимались исключительно охраной и орядка внутри Галлии¹.

В Дигестах встречаем для этого и более позднего времени многочисленные постановления о беглых рабах и дезертирах и о мерах, какие необходимо принимать для их поимки. Большое внимание уделяет вопросу о «разбойниках» Ульпиан (*Dig.*, I, 18, 3). Наконец, источники говорят об учреждении в западных провинциях, в том числе и в Галлии, специальных должностей для борьбы с «разбойниками» (*Dig.*, I, 18, 13 *pr.*) и широко разбросанной сети военных постов (*stationes*).

Социальные движения в Галлии сыграли также решающую роль в установлении контакта галльской аристократии с Римом, в котором первая искала надежной опоры для своих классовых интересов.

В III в. галльская аристократия сделала новую попытку отделиться от Рима. Сепаратистские стремления, никогда не покидавшие галльскую аристократию, на этот раз одержали верх, и поскольку галльская провинция на короткое время (253—273) превратилась в самостоятельное государство². Однако социальные противоречия и социальные движения в виде бесконечной серии восстаний багаудов, столь характерных для Галлии III и последующих веков, и на этот раз заставили галльскую аристократию отказаться от политической самостоятельности и независимости от Рима и снова объединиться с римскими рабовладельцами для борьбы совместными усилиями против общих классовых врагов и «варварских» вторжений. В страхе перед разгоревшимся движением багаудов галльский император Тетрик (270—273) тайно написал Аврелиану письмо, в котором он отказался от борьбы с Римом и умолял Аврелиана восстановить в Галлии мир (*Aurel. Vict.*, *De Caes.*, XXXV).

Социальные движения, происходившие в Галлии в I—II вв., оказывая губительное влияние на прочность рабовладельческих устоев Римской империи, безусловно представляли собой определенное звено в общей цепи тех социальных движений внутри античного мира, которые вместе с нашествием «варваров» извне привели в конце концов к падению Римской империи и гибели рабовладельческого строя.

¹ А. Греньер, ук. соч., стр. 183, 252—258, 267—270, 445, 465 и т. д.

² При Галлиене (260—268), как известно, Галлия отложила от Рима, выдвигнув своих собственных императоров Постума и Тетрика.